

Л. Г. Фишман

ПРЕКАРИАТ В РОССИИ: ОТ «ОПАСНОГО КЛАССА» К НОРМАЛИЗУЮЩЕМУ ДИСКУРСУ

Леонид Гершевич Фишман — доктор политических наук, профессор, главный научный сотрудник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук (Екатеринбург). Для связи с автором: lfishman@yandex.ru.

Аннотация. В статье рассматривается проблематика, связанная с использованием в отечественной научной литературе понятия «прекариат». Зафиксировав отсутствие согласия не только в том, на основе каких критериев следует выделять прекариат, но и по поводу социального состава и даже самого его существования как класса, автор предлагает исходить из того, что «прекариат» является частью скорее идеологического, чем научного дискурса, подобного дискурсу «среднего класса», с которым он имеет отчетливую преемственность. Данные дискурсы функциональны для воспроизводства имеющихся общественных отношений. Соответственно, в статье предпринята попытка выяснить, что представляет собой дискурс, в рамках которого описывается прекариат в России, и для воспроизводства каких отношений он функционален.

Проведенное автором исследование показывает, что российская трактовка прекариата заметно отличается от западной. Это касается и состава прекариата, и его места в социальной структуре. Из рассуждений отечественных авторов вырисовывается картина специфического российского прекариата, который включает в себя едва ли не половину общества. Этот прекариат мало походит на западный, но практически полностью совпадает с российским же средним классом, как его видят российские правящие круги. И поскольку с такого рода прекариатом как пассивно страдающим и совсем уже не опасным классом государство может вести не подрывающий основ системы диалог, дискурс о прекариате и прекаризации становится такой же потенциально легитимной разновидностью нормализующего дискурса, как и дискурс о среднем классе.

Ключевые слова: дискурс, идеология, прекариат, прекаризация, средний класс

Введение

Несмотря на то что тема прекариата неоднократно затрагивалась в зарубежной и отечественной литературе, до сих пор не достигнуто консенсуса даже по основным вопросам, связанным с ней. Нет согласия ни в том, по каким критериям следует выделять прекариат, ни относительно его социального состава, ни даже по поводу самого его существования как класса. В этой ситуации важно прежде всего выяснить, почему прекариат выглядит столь противоречивым в оптике имеющихся подходов. В поисках путей решения этой задачи мы будем исходить из того, что многие социологические понятия, к числу которых относится и «прекариат», в первую очередь являются частью определенных дискурсов. Данные дискурсы функциональны для воспроизводства (или подрыва) сложившихся общественных отношений. Иными словами, в дальнейшем мы попытаемся определить, что представляет собой дискурс, в рамках которого описывается прекариат в России, чем он отличается от аналогичного западного дискурса и для воспроизводства каких отношений он функционален.

Противоречивость существующих взглядов на прекариат во многом обусловлена изначальной интенцией включать в новый класс (или в число кандидатов в его члены) всех, кто, «независимо от размера... дохода, образования, самоидентификации и других характеристик, не имеет формальной занятости» и не может в полной мере воспользоваться сопутствующими ей социальными гарантиям, описывать прекариат как «социальный слой, который олицетворяет отчуждение не только от результатов труда, но и от всего общества значительных социальных групп, испытывающих особые, изоциренные формы эксплуатации их труда, их знаний, их квалификации, что в конечном счете влияет на качество их жизни»¹. Неудивительно, что нарисованный столь широкими мазками (чем грешат отнюдь не только отечественные исследователи) портрет «нового опасного класса» с самого начала вызывал сомнения. Прежде всего, было не совсем ясно, каким образом класс, который составляет от 30 до 50% общества², причем скорее 50, чем 30³, может оказаться *отчужденным* «от всего общества» и одновременно остаться частью «социализированного населения... не утратившего социальные связи с окружающим миром»⁴. В рамках исследовательских стратегий, исходящих из критерия отсутствия социальных гарантий при отнесении к прекариату, не уделялось достаточного внимания закономерному вопросу: во всех ли случаях прекарии нуждаются в этих гарантиях? Насколько необходима, скажем, процветающему фрилансеру бесплатная медицина? Требуется ли предпринимателю, пусть с не всегда стабильными доходами, минимальная пенсия и оплачиваемый работодателем отпуск? Всегда ли, в конечном счете, положение прекария хуже, чем у «стабильно занятого»? Те же, кто задавался такими вопросами, порой обнаруживали, например, что «средние заработные платы у прекариев выше, чем у выпускников, трудоустроенных в традиционном формате занятости», что они превосходят другие группы по уровню «удовлетворенности содержанием работы, условиями труда»,

¹ Тоценко 2019: 54.

² Тоценко 2018: 85.

³ Тихонова 2019: 168.

⁴ Тоценко 2018: 59.

⁵ Кокшаров, Агарков и Сущенко 2020: 106б.

⁶ Беллев и Кузнецова 2020: 11–12.

⁷ Тихонова 2019: 168.

⁸ Попов 2020: 157.

⁹ Жвителишвили 2017: 18–19.

**Прекариат
как аналог
и наследник
среднего класса**

что «профессиональные траектории части прекариата (фрилансеров и специалистов IT-индустрии) показывают, что можно получить позитивный личный опыт»⁵. Не добавляла убедительности соблазнительным в своей простоте подходам и аргументация в духе «доходы этих групп, несмотря на их размеры, нестабильны, они зависят от наличия заказов; никак нельзя с уверенностью сказать, что в какое-то время источники этих доходов не иссякнут»⁶. Ведь нестабильность доходов и зависимость их от наличия заказов вообще характерны для рыночной экономики.

Поэтому в отечественной литературе вполне обоснованно подвергается критике отнесение к прекариату ряда социальных групп — от фрилансеров до выходящей на рынок труда молодежи, мигрантов, сезонных рабочих и безработных⁷. Справедливо отмечается, что изучение прекарной занятости сквозь призму нестандартных трудовых отношений дискуссионно и «в научной среде все чаще встречается тезис о том, что стандартные рабочие места также могут иметь признаки прекарности» и «нестандартная занятость далеко не всегда оборачивается для работника нестабильным положением»⁸. В зарубежной литературе тоже нередко подчеркивается, что столь разнородный конгломерат социальных групп, объединенных лишь неустойчивой занятостью и отсутствием (ограниченностью) доступа к ряду социальных гарантий, не может считаться классом, по крайней мере с позиций политэкономии, оперирующей отношением социальных групп к средствам производства, собственности, труду, эксплуатации и т.д. С этой точки зрения правомерно говорить лишь о прекарнизации трудовых отношений: прекариат не вытесняет другие классы (средний и рабочий), а указывает на неустойчивость социального положения различных групп⁹.

Цель настоящей статьи, однако, заключается не в том, чтобы в очередной раз акцентировать ряд противоречий, которые выявляются при исследовании феномена прекариата. Этот текст является попыткой осветить данную проблематику с такой стороны, с которой упомянутые противоречия теряют остроту и приобретают несколько иной смысл.

Прежде всего обратим внимание на то, что, употребляя слово «класс» по отношению к сравнительно новому феномену, мы используем его по ассоциации с прежним, привычным употреблением. Когда мы говорим о прекариате как о классе, у нас в первую очередь возникают ассоциации с классами в марксистской парадигме — рабов и рабовладельцев, феодалов и крестьян, буржуа и пролетариев. Поэтому сразу отметим, что в случае прекариата подобные ассоциации неуместны. Его если и допустимо рассматривать как класс, то в парадигме веберинанской, то есть в том же значении, что и средний класс, для которого ключевую роль играют уровень образования и доходов, самоидентифи-

кация, место на социальной лестнице между верхами и низами, а также отчасти принимаемая самостоятельно, отчасти навязываемая самоидентификация в качестве несущей опоры общества и гаранта рынка, свободы и демократии. Как пишет Хадас Вайс, образ этого «расширяющегося и все более глобального среднего класса, к которому может присоединиться каждый, действительно порывает с такими разъединяющими категориями, как рабочие и капиталисты, кроме тех случаев, когда предполагается, что каждый, по большому счету, является квазикапиталистическим удачливым дельцом... Образ среднего класса проникнут разнообразием, поскольку многочисленные различия получают одобрение»¹⁰. В конечном счете, заключает Вайс, «средний класс — это идеология самоопределения, основанного на инвестировании»¹¹, которая предназначена для трудящихся и усвоена преимущественно теми, кто располагает средствами для инвестирования дополнительного труда, времени и других ресурсов в свое благополучие в будущем, а не тратит все имеющееся у них на немедленное удовлетворение своих желаний»¹².

Иными словами, средний класс — это по большей части класс наемных работников, благосостояние которых отчасти обеспечено рядом социальных гарантий, отчасти зависит от принятия буржуазных стратегий инвестирования в свое будущее и будущее своих детей. Если по ряду причин ему трудно дать четкое социоструктурное определение, то его вполне можно описать как дискурс, определить идеологически¹³. Средний класс — это идеологический конструкт, функциональный для буржуазного общественного порядка периода после окончания Второй мировой войны и примерно до конца 1980-х годов.

Но таков же и прекариат. С нашей точки зрения, прекариат является наследником вовсе не рабочего класса или пролетариата, а именно среднего класса — и не только потому, что включает в себя значительную часть последнего, но и потому, что дискурс о нем конструируется точно так же, как некогда был сконструирован дискурс среднего класса.

На идеологическую конструкцию «прекариат» возлагаются те же надежды, что возлагались на конструкцию «средний класс»¹⁴. Средний класс традиционно рассматривался как гарант демократии, имеющий «лишь один консенсусный запрос — на стабильность»¹⁵. Прекариату адресуются и те же опасения, какие традиционно адресовались среднему классу: именно средний класс в свое время привел фашизм к власти, он является базой новых движений, подрывающих status quo. Аналогичным образом прекариат выступает в качестве потенциальной (и уже актуальной) социальной базы разного рода радикалов и популистов, устанавливающих авторитарные режимы¹⁶. Но, как это было и со средним классом, данная угроза может быть нейтрализована путем предоставления прекариату соответствующих социальных гарантий, например безусловного базового дохода¹⁷. Средний класс играл стабилизирующую роль ввиду того, что к нему причислялось большинство (или очень зна-

¹⁰ Вайс 2021: 22.

¹¹ В данном случае под инвестициями понимаются не только сугубо финансовые вложения, но любые усилия с расчетом на будущие выгоды, блага, доходы, ренту. То есть, к примеру, получение второго образования или академической степени — тоже инвестиция.

¹² Вайс 2021: 185.

¹³ Там же: 11—16.

¹⁴ Фишман 2018.

¹⁵ Кузнецова 2009: 25.

¹⁶ Braga 2018: 49—51.

¹⁷ Блашке 2007: 47.

- чимое меньшинство) населения. Прекариат рассматривается как слой, который уже охватывает до трети населения развитых стран¹⁸. Как и в случае со средним классом, рассуждения о прекариате «носят спекулятивный характер, так как обращены в будущее и описывают этот класс через его потенциал, а не его реальность»¹⁹. Он вряд ли сделает революцию, однако, как считает Роберт Сеймур, прекариат (точнее, дискурс о нем) отражает «популистский запрос» на формирование «нового политического большинства на антикапиталистической основе»²⁰. По крайней мере, на этот класс возлагаются определенные социально-популистские, анархо-синдикалистские, левозэкологистские и иные подобного рода надежды²¹. Есть основания полагать, что в перспективе прекариат будет представлять собой «все более расширяющийся субсидируемый государством класс с... рентоориентированным поведением», который станет «новым большинством»²², необходимым для легитимации современной буржуазной государственности.
- ¹⁸ Мармер 2009.
- ¹⁹ Карпова 2002: 37.
- ²⁰ Цит. по: Жвиташвили 2017: 19.
- ²¹ Foti 2017.
- ²² Мартыанов 2017: 122.

Двойственность прекариата: государство-центристы и фрилансеры

Словом, и средний класс, и прекариат — это идеологические конструкты, призванные замаскировать реальное классовое деление и обладающие известной функциональностью для определенного социально-политического порядка. Но если применительно к среднему классу содержание и пределы этой функциональности относительно ясны, то в случае прекариата все гораздо туманнее. Тем не менее в дискурсе, оперирующем этим понятием, обнаруживается, что прекариат — это, с одной стороны, страдающий класс, в который входят так или иначе ущемленные и дискриминируемые слои населения — от иммигрантов до испытывающих трудности членов среднего класса, а с другой стороны, люди, которые сознательно выбрали прекарную занятость, руководствуясь стремлением к свободе, независимости от начальства, высоким доходам, творческому труду, успешности в широком смысле. Такovy в первую очередь относимые к прекариату фрилансеры — высококвалифицированные молодые люди, обладающие «завидными деловыми качествами» и превосходящие нефрилансеров по части «уверенности в себе и своих профессиональных знаниях»²³.

²³ Голованова и Дудина 2019: 1260.

Правомерно предположить, что у этих социальных групп разные устремления. Для первой из них резонно желать увеличения роли государства в своей жизни (и в конечном счете обретения фиксированной ренты в виде новых социальных гарантий). Положение среднего класса в период его подъема определялось не только государственной политикой, но и давлением снизу: наряду с прочими, этот класс пожинал плоды многолетней борьбы рабочих за социальное государство. Однако во времена, когда экономическая и политическая роль рабочего класса существенно снизилась, а профсоюзы пришли в упадок, обнаруживший свою несостоятельность на поле инвестиций бывший средний класс, прекариат, начинает во все большей степени зависеть *исключительно* от государства. Мы вряд ли ошибемся, если скажем, что классовое

сознание этой части прекариата обещает стать еще более государствоцентричным, особенно учитывая те страты этого «класса», которые в рамках «культуры жертвоприношения» постоянно апеллируют к государственному вмешательству для защиты от реального или мнимого угнетения и «микроагрессии»²⁴. Для другой, условно говоря, фрилансерской части прекариата гораздо резоннее полагаться на инвестиции в духе прежнего среднего класса. При этом важно учитывать, что выделенные нами две группы прекариата — не более чем идеальные типы и в реальности существует множество переходных состояний. Мало того, в разные периоды жизни одни и те же люди могут следовать то той, то другой парадигме. По мнению германского исследователя Клауса Дерре, «в обществе, где прекариат уже стал массовым явлением, назрела необходимость переосмысления его социального устройства; трудовая жизнь современного человека вполне может состоять из смены фаз. В первой — человек работает. Во второй (фазе безработицы) — посвящает себя семье или себе. В третьей — снова работает. В четвертой (фазе безработицы) — занимается самообразованием. Череда и последовательность фаз произвольна, зависит от индивидуума и ситуации на рынке труда»²⁵. Другими словами, прекарий часто ведет себя как средний класс, делает инвестиции в семью и образование — но с меньшим (не отвечающим ожиданиям) успехом.

²⁵ Цит. по:
Голенкова и
Голуусова 2013: 9.

Так или иначе, все группы прекариата нуждаются в определенных гарантиях со стороны государства, но это разные гарантии. Мы видим, что концепт прекариата во многом является продуктом распада концепта среднего класса на исходные составляющие. Если суть последнего, утрированно выражаясь, «рента+инвестиции», то прекарность в одном случае означает преимущественно желание ренты, а в другом — преимущественно расчет на инвестиции в прежнем квазибуржуазном и отчасти неолиберальном духе.

Концепт «прекариат» появился не потому, что возникли новые общественные группы. Появление действительно новых общественных групп и тем более целого класса с классовым сознанием — весьма спорное утверждение. Но этот концепт замечательно сочетается с теориями вроде «общества травмы», «общества риска», «текущей современности», которые констатируют нарастающую «турбулентность общества», но не могут дать принципиально новаторских ответов на вопросы: куда это общество движется? вокруг какого класса оно будет группироваться? какая центральная идеология потребуется для его воспроизводства? Поэтому они отвечают на эти вопросы преимущественно от противного, и одним из таких ответов является концепт прекариата как класса. Этот класс определяется исключительно негативно и отличается от прочих лишь нестабильной занятостью. Тот факт, что при отнесении той или иной группы к прекариату отталкиваются от критерия стабильности занятости и наличия социальных гарантий, свидетельствует о том, что отправной точкой анализа (сознательно или бессознательно) служит некий нормативный концепт, апеллирующий к конгломерату групп, ко-

торые точно этими гарантиями обладают (или обладали). А это и есть преимущественно средний класс. Так, противопоставление Гаем Стэндингом прекариата пролетариату как классу, обладающему социальными гарантиями и прочими благами, — это во многом противопоставление его все тому же среднему классу, к которому начала себя относить изрядная часть пролетариата в золотую эпоху социального государства. Иначе говоря, дискурс, описывающий прекариат, — это дискурс о среднем классе без социальных гарантий (или с меньшим объемом социальных гарантий, чем прежде).

Средний класс являлся неотъемлемой частью утраченного стабильного мира. Прекариат — часть еще только становящейся «новой нормальности», которая сама весьма далека от стабильности. Если у прекариата возникнет что-то похожее на классовое сознание, то это будет отредактированный аналог самоидентификации среднего класса — классовое сознание его функционального заместителя с заметно меньшими (поневоле), чем у него, притязаниями. Положение привычного среднего класса было обусловлено его существованием между рынком и государством; он мог пользоваться выгодами как от рыночных инвестиций, так и от рент, проистекающих из наличия социальных гарантий. В условиях трансформации капитализма, сопровождающейся сокращением доли благ, зависящих от рынка, эта промежуточность положения среднего класса (а точнее, всего конгломерата социальных групп, способных извлекать выгоды из социальных гарантий и рынка) не исчезает. Однако в процессе социальных трансформаций общий баланс смещается в сторону корпоративного «инклюзивного капитализма», «новой нормальности» и, возможно, мира, в котором, по словам Иды Аукен, ни у кого ничего не будет, но все будут счастливы²⁶. Каков будет новый баланс, пока никому не известно — он может быть выявлен только в ходе борьбы. Но прекариат в его нынешней трактовке не является субъектом этой борьбы. Он не более чем концепт, отражающий, во-первых, ситуацию «турбулентности», а во-вторых, подсознательное стремление «вернуть все как было». Не случайно критерий неустойчивости и нестабильности как основных черт этого класса подразумевает также его временность: как только нестабильность закончится, подавляющее большинство представителей прекариата вернется в свои прежние социальные ниши — наемных работников с социальными гарантиями, устойчивой занятостью и предсказуемыми жизненными траекториями.

²⁶ Аукен 2016.

Прекариат в России больше, чем прекариат

Сказанное выше относится к понятию прекариата вне зависимости от того, западный он или российский. Но какую роль играют концепты прекариата и связанного с ним среднего класса конкретно в России?

Прекариат в постсоветской России оказался незванным гостем. После крушения советского строя ожидали появления не прекариата,

а массового среднего класса, с которым связывались надежды на достойную жизнь, развитие демократии (как либеральной, так и «органической» в духе Ивана Ильина), вхождение в круг цивилизованных народов. Однако довольно быстро выяснилось, что «средний класс в целом исчерпал свои интенции, поскольку вызовы современности, вызовы глобализации делают общество массового потребления красивым, но несбыточным лозунгом. В российском же варианте средний класс не мог и не сможет сформироваться в силу того, что приобщение к потребительским практикам является малосовместимым с социальной самореализацией, а то и исключаящим ее»²⁷. Даже те, кто видел в складывающемся в России среднем классе «значительную активную социальную группу населения», были вынуждены признать, что ему еще только предстоит обзавестись «здоровым духом государственности и национальным характером»²⁸. Констатировалось, что политические нормы и ценности этого класса заметно расходятся с западными: как и остальные категории россиян, он в первую очередь заинтересован в установлении более четких и устойчивых «правил игры», повышении качества работы социальной инфраструктуры страны, гарантиях соблюдения трудового и социального законодательства и вообще в государственном регулировании социальной сферы»²⁹.

²⁷ Волков 2012: 111.

²⁸ Изергина 2015: 85.

²⁹ Там же.

³⁰ Тихонова 2015: 48.

Вместо массового среднего класса в западном понимании (к которому можно отнести не более 10% жителей страны³⁰) в России образовался андеркласс, или прекариат. Массовый же средний класс у нас просматривается лишь «через призму многомерного подхода, в основу которого положены немонетарные характеристики возможностей россиян в четырех главных жизненных сферах — экономические условия, производственные отношения, образовательные и медицинские возможности, а также возможности потребления», когда из матрицы многомерной стратификации сознательно исключаются «такие параметры, как доходы и профессиональный статус»³¹. При подобном угле зрения современное российское общество действительно можно считать обществом массового среднего класса, где тот составляет около 61% населения³². Иными словами, в России обнаруживается аналогичный западному среднему классу по выполняемой функции класс, несущая опора социального строя и государственности — но со скидкой на относительную бедность.

³¹ Аникин 2019: 44—45.

³² Там же: 46.

Правда, даже с учетом этой скидки очевидно: российский средний класс похож не столько (или не только) на своего западного собрата, сколько на нечто другое — то, что принято называть прекариатом. Не случайно этот концепт приобрел популярность среди российских исследователей.

Столь же не случайно российский взгляд на состав прекариата зачастую серьезно отличается от западного. Согласно Стэндингу, прекариат образуется в основном из трех групп — бывших представителей рабочего класса, мигрантов и образованных людей, не имеющих постоянной работы (при том что внутри себя эти группы чрезвычайно раз-

³³ Стэндинг 2014: 10–22.

³⁴ Bain and McLean 2013: 109.

³⁵ Glass 2015.

³⁶ Manifesto s.a.

³⁷ Doughty 2018.

³⁸ Pentaraki and Dionysopoulou 2018.

³⁹ Беляев и Кузнецова 2020: 11–12.

⁴⁰ Кадничанская и Яковлева 2018: 78.

⁴¹ Анисимов 2021: 18.

⁴² Голенкова и Голицова 2013: 12.

⁴³ Бусыгина 2016: 41, 44.

⁴⁴ Тощенко и Анисимов 2019: 101.

⁴⁵ Бобков и др. 2014: 25.

⁴⁶ Аникин 2019: 50.

⁴⁷ Тощенко 2018: 59.

нородны)³³. Как правило, однозначно включают эти социальные группы в прекариат и прочие западные исследователи, отмечая, что ошутимую угрозу прекарнизации испытывает и ряд других групп. Расхождения между ними обычно касаются того, кто входит или рискует войти в тот или иной отряд прекариата. Так, среди образованных людей, лишенных постоянной работы, выделяют художественный (artistic)³⁴, креативный (creative)³⁵, академический³⁶, или профессорский³⁷, прекариат, социальных работников³⁸ и т.д.

Отечественные исследователи нередко относят к этому классу существенно большее число групп, особенно «потенциально»; зачастую это вообще все люди трудоспособного возраста, работающие неформально при отсутствии гарантий занятости, оплаты больничных листов, предоставления оплачиваемого отпуска и т.п.³⁹ Подчеркивается, что «прекариат как новый социальный класс отличается своей разнородностью», и в его состав «входят практически все слои современного общества»⁴⁰. Соответственно, Стэндинг критикуется за то, что он, «вводя специфические отношения с государством как принцип классовообразования, ограничивает прекариат мигрантами, пролетариатом и образованной молодежью», тогда как этот класс охватывает «не только теряющий стабильность пролетариат, но и уменьшающийся средний класс»⁴¹. Указывается, что если в развитых странах Запада в прекариате доминируют молодежь, женщины, пожилые люди и мигранты, то в России «в эту группу может попасть любой работник вне зависимости от возраста, пола, гражданской принадлежности. Российский прекариат не является низшим слоем, поскольку по уровню дохода и образования часто приравнивается к средним слоям общества»⁴². В упрек Стэндингу ставится также отсутствие внимания к «креативному прекариату». При этом утверждается, что «российский прекариат огромен по численности и в высшей степени гетерогенен... у нас к прекариату относятся и те, кто в западных экономиках попали бы в привилегированный «салаariat»⁴³.

В то время как западные исследователи включают в прекариат до трети трудоспособного населения, российские причисляют к нему от 30 до 50%. Когда же речь заходит о вовлеченности в прекарные отношения, ими оказываются затронуты едва ли не все занятые: признаками неустойчивой занятости в той или иной мере обладают 82⁴⁴ или даже 85%⁴⁵ наемных работников. Если допустить, что большую часть российского общества составляет средний класс, то он подвергается нешуточной угрозе прекарнизации: линия будущего разлома (поляризации) среднего класса оставляет внизу почти 2/3 средних слоев⁴⁶. Поэтому и место прекариата в социальной структуре у нас нередко трактуется иначе: он описывается не как маргинальный протокласс, а как «часть социализированного населения, нацеленного на участие в трудовой жизни... на сохранение своего пусть и деформированного статуса... но поставленного в ограничивающую его сферу трудовых и социально-экономических отношений»⁴⁷.

Из приведенных выше высказываний вытекает, что на Западе прекаризируется один средний класс, а у нас — другой, который определяется без учета «монетарной составляющей» (и, возможно, в привязке к идеализированному образу советских трудящихся, которых при желании можно рассматривать как аналог западного среднего класса — только с еще большими социальными гарантиями и сверхстабильной занятостью). Вырисовывается картина специфического российского прекариата, который включает в себя едва ли не половину общества и то ли отчужден от него, то ли не совсем; прекариата, который нуждается то ли в патерналистской политике и базовом доходе, то ли просто в том, чтобы государство хотя бы по минимуму обеспечивало основные социальные гарантии, а в остальном он сам как-нибудь справится.

Заключение

Не так давно не все российские исследователи были уверены, что в России есть социальный слой, заслуживающий названия прекариата. Например, утверждалось, что «несмотря на наличие в российском обществе социального слоя, который по своим характеристикам близок к прекариату, нельзя сказать, что его границы заметно растут. <...> К зоне риска можно отнести порядка 27% работающего населения»⁴⁸. Потом, вслед за западными исследователями, прежде всего Стэндингом, заговорили о протокласе, который рано или поздно обретет классовое сознание и добьется своего места в жизни. Параллельно конкретно в России к этому (прото)классу стали относить до половины трудоспособного населения, а с учетом вовлеченных в прекарные отношения — чуть ли не все общество. В ходе эмпирических исследований оценка сдвинулась в сторону описания прекариата как пассивного страдающего класса, все еще не встречающего понимания у государства.

Так дискурс, в котором изначально ощущался привкус шантажа перспективой формирования у нас «опасного класса», начал напоминать привычную русскому человеку челобитную. В нем зазвучали сетования на то, что государство игнорирует «основную издержку» прекарнизации, не осознавая, что «неустойчивость жизненного мира значительной массы трудоспособного населения означает потерю интеллектуального богатства общества, нерациональное использование трудовых ресурсов, безвозвратную потерю образовательного и профессионального капитала»⁴⁹. В некоторых случаях дискурс угрозы прекарнизации используется для того, чтобы привлечь внимание власти к проблемам определенной социальной группы, например молодежи, риск попадания которой в прекариат «имеет пролонгированные негативные последствия, отражающиеся не только на сфере труда и занятости, но и на всех сторонах жизнедеятельности»⁵⁰, или ученых, которые, «не отвечая основным показателям принадлежности к прекариату... тем не менее обладают некоторыми признаками прекарнизации труда <...>

⁴⁸ Шкаратан, Карачаровский и Гасюкова 2015: 109.

⁴⁹ Тощенко 2021: 35.

⁵⁰ Воробьева 2021б: 108.

Государство должно предпринять действия по повышению статуса российского ученого, привлекательности и элитарности этой профессии, в том числе в части увеличения уровня заработной платы отечественных исследователей, решения их жилищных вопросов, грантовой поддержки молодых ученых и пр.»⁵¹. Если подобные челобитные и возымели какое-то действие, то не в том смысле, что государство признало наличие у нас прекариата. С его точки зрения, 38 млн россиян, которые «непонятно где и чем заняты»⁵², это не прекариат, а «средний класс», пусть и с 17 тыс. рублей дохода в месяц. Таким образом, концепт среднего класса в России пока остается единственной легитимной разновидностью нормализующего дискурса, который подразумевает, что Россия — цивилизованная страна не хуже прочих и ее общество хоть и не лишено проблем, но представляет собой такое же «общество двух третей».

Впрочем, такое положение вещей, судя по всему, скоро уйдет в прошлое. С прекариатом как пассивно страдающим и совсем уже не опасным классом, который включает в себя почти все общество, государство может вести не подрывающий основ диалог по поводу распределения социальных благ в привычном формате подачи челобитных и реакции на них. Поэтому дискурс о прекариате и прекаризации становится такой же потенциально легитимной разновидностью нормализующего дискурса, как и дискурс о среднем классе. По мере того как в отечественном теоретическом сознании оба этих дискурса смешиваются до степени неразличения, они превращаются в две стороны одной монеты, которая в зависимости от конъюнктуры может быть повернута орлом «среднего класса» или решкой «прекариата».

⁵¹ Воробьева 2021а: 138—139.

⁵² Товкайло 2013.

Библиография

Аникин В.А. (2019) «Прекаризация среднего класса в новой России: о чем говорят результаты исследования гетерогенных слоев?» // *Социологическая наука и социальная практика*, № 4: 39—54.

Анисимов Р.И. (2021) «Прекариат как новый социальный класс в контексте марксистской теории» // *Социологический журнал*, т. 27, № 1: 10—27. URL: <https://www.jour.fnisc.ru/index.php/socjour/article/view/7842/7740> (проверено 17.08.2022).

Аукен И. (2016) «2030 год: жизнь в экологически чистом мире без собственности и привычного понятия „работы“» // *Бизнес-онлайн*, 4.12. URL: <https://www.business-gazeta.ru/article/330729> (проверено 27.01.2022).

Беляев В.И. и О.В.Кузнецова. (2020) «Прекариат: динамика социальной структуры общества в контексте социально-трудовых отношений» // *Экономика, профессия, бизнес*, № 2: 5—13.

Блашке Р. (2007) «Свобода — Либеральная демократия — Безусловный основной доход» // *Идея освобождающего безусловного основного дохода*. [Б.м.]: BGE-Buch: 42—50. URL: http://bdn-steiner.ru/modules/Books/files/BGE-Buch_rus.pdf (проверено 17.08.2022).

Бобков В.Н., О.В.Вередюк, Р.П.Колосова и Т.О.Разумова. (2014) *Занятость и социальная прекаризация в России: введение в анализ*. М.: ТЕИС.

Бусыгина И.М. (2016) «Прекариат: новый вызов для современных обществ и его концептуализация (Размышления над книгой Г.Стэндинга)» // *Общественные науки и современность*, № 3: 34—47.

Вайс Х. (2021) *Мы никогда не были средним классом: Как социальная мобильность вводит нас в заблуждение*. М.: Издательский дом Высшей школы экономики.

Волков Ю.Г. (2012) «Возникновение и современное состояние российского креативного класса» // *Вестник Института социологии*, № 5: 109—120. URL: https://www.vestnik-isras.ru/files/File/Vestnik_2012_5/Volkov.pdf (проверено 17.08.2022).

Воробьева И.В. (2021a) «Российские ученые в условиях прекарной занятости» // *Вопросы управления*, № 1: 131—142.

Воробьева И.В. (2021б) «Прекаризация молодежи в сфере социально-трудовых отношений» // *Знание. Понимание. Умение*, № 3: 100—112. URL: <https://journals.mosgu.ru/zpu/article/view/1415/1737> (проверено 17.08.2022).

Голенкова З.Т. и Ю.В.Голиусова. (2013) «Новые социальные группы в современных стратификационных системах глобального общества» // *Социологическая наука и социальная практика*, № 3: 5—15. URL: <https://www.jour.fnisc.ru/index.php/snsp/article/view/2996/2793> (проверено 17.08.2022).

Голованова Д.В. и О.М.Дудина. (2019) «Прекариат: возможна ли успешность на рынке труда (на примере фрилансеров)» // *Креативная экономика*, № 6: 1253—1268.

Жвйтиашвили А.Ш. (2017) «Классовые схемы современного общества в западной социологии» // *Социологическая наука и социальная практика*, т. 5, № 1: 7—23.

Изергина Н.И. (2015) «Проблема хозяйственной самостоятельности гражданина как предпосылка органической демократии в современной России в контексте методологии Ивана Ильина» // *Экономическая история*, №3 (30): 81—90. URL: http://jeh.isi.mrsu.ru/assets/econ_hist_2015_30.pdf (проверено 17.08.2022).

Кадничанская М.И. и А.С.Яковлева. (2018) «Прекариат — новый социальный класс» // *Симбирский научный вестник*, № 1 (31): 75—79.

Карпова В. (2002) «Спасет ли средний класс демократию в России?» // *Неприкосновенный запас. Дебаты о политике и культуре*, №1 (21): 32—39.

Кокшаров В.А., Г.А.Агарков и А.Д.Сущенко. (2020) «Прекаризация труда как растущая форма занятости молодых специалистов в условиях пандемии» // *Экономика региона*, т. 16, вып. 4: 1061—1071. URL: https://economyofregion.ru/wp-content/uploads/2020/12/04_koksharov.pdf (проверено 17.08.2022).

Кузнецова Е. (2009) «Средний класс: западные концепции» // *Мировая экономика и международные отношения*, № 2: 19—28.

Мармер Э. (2009) «Что такое прекариат» // *Neue Zeiten*, № 5 (71). URL: <http://neuezeiten.rusverlag.de/2009/07/24/что-такое-прекариат/> (проверено 27.01.2022).

Мартьянов В.С. (2017) «Политическая онтология Модерна: в поисках ускользающего большинства» // *Полития*, № 1 (84): 107—126. URL: [http://politeia.ru/files/articles/rus/Politeia-2017-1\(84\)-107-126.pdf](http://politeia.ru/files/articles/rus/Politeia-2017-1(84)-107-126.pdf) (проверено 17.08.2022).

Попов А.В. (2020) «От прекарной занятости к прекариату» // *Социологические исследования*, № 6: 155—160. URL: <http://socis.isras.ru/files/File/2020/6/Попов.pdf> (проверено 17.08.2022).

Стэндинг Г. (2014) *Прекариат: новый опасный класс*. М.: Ад Маргинем Пресс.

Тихонова Н.Е. (2015) «Особенности статусной идентичности и потребление среднего класса» // *Социологические исследования*, № 1: 44—54. URL: http://socis.isras.ru/files/File/2015/2015_1/Tikhonova.pdf (проверено 17.08.2022).

Тихонова Н.Е. (2019) «Прекариат и перспективы изменения социальной структуры российского общества» // *Социологические исследования*, № 2: 167—173. URL: <http://socis.isras.ru/files/File/2019/2/Tikhonova.pdf> (проверено 17.08.2022).

Товкайло М. (2013) «Голодец: 38 млн россиян заняты „непонятно где и чем“» // *Ведомости*, 3.04. URL: https://www.vedomosti.ru/management/articles/2013/04/03/vicepremer_golodec_38 mln_rossiyan_zanyaty_neponyatno_gde_i (проверено 27.01.2022).

Тощенко Ж.Т. (2018) *Прекариат: От протокласса к новому классу*. М.: Наука.

Тощенко Ж.Т. (2019) «Феномен прекариата: теоретические и методологические основания исследования» // *Социологические исследования*, № 9: 51—63. URL: <http://socis.isras.ru/files/File/2019/9/Toschenko.pdf> (проверено 17.08.2022).

Тощенко Ж.Т. (2021) «Публичный и приватный жизненный мир прекариата: основные черты и ориентиры» // *Социологические исследования*, № 11: 24—36. URL: <http://socis.isras.ru/files/File/2021/11/Toschenko.pdf> (проверено 17.08.2022).

Тощенко Ж.Т. и Р.И.Анисимов. (2019) «Прекарный труд в России: состояние и тенденции» // *Экономическое возрождение России*, № 2 (60): 93—103.

Фишман Л.Г. (2018) «Прекариат: этот средний класс сломался — несите другой» // *Логос*, т. 28, № 6: 91—104. URL: https://logosjournal.ru/upload/iblock/41b/Logos_2018_6_2_4_Fishman.pdf (проверено 17.08.2022).

Шкаратан О.И., В.В.Карачаровский и Е.Н.Гасюкова. (2015) «Прекариат: теория и эмпирический анализ (на материалах опросов в России, 1994—2013)» // *Социологические исследования*, № 12: 99—110.

URL: http://socis.isras.ru/files/File/2015/2015_12/99_110_Shkaratan.pdf (проверено 17.08.2022).

Bailey R. (2015) «Victimhood Culture in America: Beyond Honor and Dignity» // *Reason.com*, 09.11. URL: <https://reason.com/blog/2015/09/11/victimhood-culture-in-america-beyond-dig> (accessed on 27.01.2022).

Bain A. and M.McLean. (2013) «The Artistic Precariat» // *Cambridge Journal of Regions, Economy and Society*, vol. 6, no. 1: 93—111.

Braga R. (2018) *The Politics of the Precariat: From Populism to Lulista Hegemony*. Boston: BRILL.

Doughty H.A. (2018) «From the Professoriat to the Precariat: Adjunctivitis, Collegiality, and Academic Freedom» // *International Journal of Adult Vocational Education and Technology*, vol. 9, no. 4: 1—22.

Foti A. (2017) *General Theory of the Precariat: Great Recession, Revolution, Reaction*. Amsterdam: Institute of Network Cultures. URL: <https://networkcultures.org/wp-content/uploads/2017/09/ToD25-Precariat-AlexFoti.pdf> (accessed on 17.08.2022).

Glass L. (2015) «The Creative Precariat: A Review of MFA vs. NYC: The Two Cultures of American Fiction» // *The Iowa Review*, vol. 45, no. 1. URL: <https://iowareview.org/from-the-issue/volume-45-issue-1-%E2%80%94-spring-2015/creative-precariat-review-mfa-vs-nyc-two-cultures> (accessed on 17.08.2022).

Manifesto of the Precarious International. URL: <https://mittelbau.net/precarious-international/manifesto-of-the-precarious-international/> (accessed on 27.01.2022).

Pentaraki M. and K.Dionysopoulou. (2018) «Social Workers: a New Precariat? Precarity Conditions of Mental Health Social Workers Working in the Non-Profit Sector in Greece» // *European Journal of Social Work*, vol. 22, no. 2: 301—313.

L.G.Fishman
**PRECARIAT IN RUSSIA:
 FROM “DANGEROUS CLASS”
 TO NORMALIZING DISCOURSE**

Leonid G. Fishman — Doctor of Political Science; Professor; Chief Researcher at the Institute of Philosophy and Law, The Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Yekaterinburg). E-mail: lfishman@yandex.ru

Abstract. The article is devoted to the problematique of using the concept of precariat in the Russian scientific literature. Having fixed the lack of consensus about the criteria of the precariat, its social composition and even its very existence as a class, the author suggests one should proceed from the fact that *precariat* is part of an ideological rather than a scientific discourse, similar to the discourse of the middle class, with which it has a clear continuity. These discourses are functional for the reproduction of the existing social relations. Therefore, the article attempts to study discourse that is used to describe precariat in Russia, and to comprehend for the reproduction of what relations it is functional.

The research conducted by the author shows that the Russian interpretation of the precariat differs markedly from the Western one. This applies to both the composition of the precariat and its place in the social structure. The Russian authors draw a picture of a specific Russian precariat, which includes almost half of the society. This precariat bears little resemblance to the Western one, but almost completely coincides with the Russian middle class, as the Russian ruling circles view it. Since the state is able to conduct a dialogue with this kind of precariat, which is a passively suffering and no longer dangerous class that does not undermine the foundations of the system, the discourse about precariat and precarization is turning into the same potentially legitimate kind of normalizing discourse as the one about the middle class.

Keywords: discourse, ideology, precariat, precarization, middle class

References

- Anikin V.A. (2019) “Prekarizatsija srednego klassa v novoj Rossii: o chem govoryat resul'taty issledovanija geterogennykh sloev” [Precarization of the Middle Class of the New Russia: What Are the Results of a Study of Heterogeneous Middle Strata?] // *Sotsiologicheskaja nauka i sotsial'naja praktika* [Sociological Science and Social Practice], no. 4: 39–54. (In Russ.)
- Anisimov R.I. (2021) “Prekariat kak novyj sotsial'nyj klass v kontekste marksistskoj teorii” [The Precariat as a New Social Class in the Context of Marxist Theory] // *Sotsiologicheskij zhurnal* [Sociological Journal], vol. 27, no. 1: 10–27. URL: <https://www.jour.fnisc.ru/index.php/socjour/article/view/7842/7740> (accessed on 17.08.2022). (In Russ.)
- Auken I. (2016) “2030 god: zhizn' v ekologicheski chistom mire bez sobstvennosti i privychnogo ponjatija „raboty“” [2030: Living in an Ecologically Clean World without Property and the Usual Concept of Work] // *Business-online*, 4.12. URL: <https://www.business-gazeta.ru/article/330729> (accessed on 27.01.2021). (In Russ.)
- Bailey R. (2015) “Victimhood Culture in America: Beyond Honor and Dignity” // *Reason.com*, 09.11. URL: <https://reason.com/blog/2015/09/11/victimhood-culture-in-america-beyond-dig> (accessed on 27.01.2022).
- Bain A. and M.McLean. (2013) “The Artistic Precariat” // *Cambridge Journal of Regions, Economy and Society*, vol. 6, no. 1: 93–111.

Belyaev V.I. and O.V.Kuznetsova. (2020) “Prekariat: dinamika sotsial’noj struktury obshchestva v kontekste sotsial’no-trudovykh odnoshenij” [Precariat: Research of the Reasons for Forming a New Social Class in the Context of Social and Labor Relations] // *Ekonomika, professija, bisness* [Economics, Profession, Business], no. 2: 5–13. (In Russ.)

Blaschke R. (2007) “Svoboda — Liberal’naja demokratija — Bezuslovnyj osnovnoj dokhod” [Freedom — Liberal Democracy — Unconditional Basic Income] // *Ideja osvobodzhdajushchego bezuslovnogo osnovnogo dokhoda* [The Idea of Liberating Unconditional Basic Income]. [S.l.]: BGE-Buch: 42–50. URL: http://bdn-steiner.ru/modules/Books/files/BGE-Buch_rus.pdf (accessed on 17.08.2022). (In Russ.)

Bobkov V.N., O.V.Veredyuk, R.P.Kolosova, and T.O.Razumova. (2014) *Zanjatost’ i sotsial’naja prekarizatsija v Rossii: vvedenie v analiz* [Employment and Social Precarization in Russia: an Introduction to Analysis]. Moscow: TEIS. (In Russ.)

Braga R. (2018) *The Politics of the Precariat: From Populism to Lulista Hegemony*. Boston: BRILL.

Busygina I.M. (2016) “Prekariat: novyj vyzov dlja sovremennykh obshchestv i ego kontseptualizatsija (Razmyshlenija nad knigoj G.Stendinga)” [Precariat: a New Challenge for Modern Societies and Its Conceptualization (Reflections on the Book of Guy Standing)] // *Obshchestvennyye nauki i sovremennost’* [Social Sciences and Contemporary World], no. 3: 34–47.

Doughty H.A. (2018) “From the Professoriat to the Precariat: Adjunctivitis, Collegiality, and Academic Freedom” // *International Journal of Adult Vocational Education and Technology*, vol. 9, no. 4: 1–22.

Fishman L.G. (2018) “Prekariat: etot srednij klass slomalsja — ne site drugoj” [The Precariat: This Middle Class Is Broken, Bring Us Another] // *Logos*, vol. 28, no. 6: 91–104. URL: https://logosjournal.ru/upload/iblock/41b/Logos_2018_6_2_4_Fishman.pdf (accessed on 17.08.2022). (In Russ.)

Foti A. (2017) *General Theory of the Precariat: Great Recession, Revolution, Reaction*. Amsterdam: Institute of Network Cultures. URL: <https://networkcultures.org/wp-content/uploads/2017/09/ToD25-Precariat-AlexFoti.pdf> (accessed on 17.08.2022).

Glass L. (2015) “The Creative Precariat: A Review of MFA vs. NYC: The Two Cultures of American Fiction” // *The Iowa Review*, vol. 45, no. 1. URL: <https://iowareview.org/from-the-issue/volume-45-issue-1-%E2%80%94-spring-2015/creative-precariat-review-mfa-vs-nyc-two-cultures> (accessed on 17.08.2022).

Golenkova Z.T. and Yu.V.Goliusova. (2013) “Novye sotsial’nye gruppy v sovremennykh stratifikatsionnykh sistemakh global’nogo obshchestva” [New Social Groups in Modern Stratification Systems of Global Society] // *Sotsiologicheskaja nauka i sotsial’naja praktika* [Sociological Science and Social Practice], no. 3: 5–15. URL: <https://www.jour.fnisc.ru/index.php/snsp/article/view/2996/2793> (accessed on 17.08.2022). (In Russ.)

Golovanova D.V. and O.M.Dudina. (2019) “Precariat: vozmozhna li uspešnost’ na rynke truda (na primere frilanserov)?” [Precariat: Is It Possible to Be Successful in the Labor Market (on the Example of Freelancers)?] // *Kreativnaja ekonomika* [Creative Economy], no. 6: 1253—1268. (In Russ.)

Izergina N.I. (2015) “Problema khozjajstvennoj samostojatel’nosti grazhdanina kak predposylka organicheskoj demokratii v sovremennoj Rossii v kontekste metodologii Ivana Il’ina” [Problem of Economic Independence of a Citizen as the Precondition of the Organic Democracy in Modern Russia in the Context of Ivan Ilyin’s Methodology] // *Ekonomicheskaja istoria* [Economic History], no. 3 (30): 81—90. URL: http://jeh.isi.mrsu.ru/assets/econ_hist_2015_30.pdf (accessed on 17.08.2022). (In Russ.)

Kadnichanskaya M.I. and A.S.Yakovleva. (2018) “Precariat — novyj sotsial’nyj klass” [Precariat — a New Social Class] // *Simbirskij nauchnyj vestnik* [Simbirsk Scientific Bulletin], no. 1 (31): 75—79. (In Russ.)

Karpova V. (2002) “Spaset li srednij klass demokratiju v Rossii?” [Will the Middle Class Save Democracy in Russia?] // *Neprikosnovennyj zapas. Debaty o politike i kul’ture* [NZ: Debates on Politics and Culture], no. 1 (21): 32—39. (In Russ.)

Koksharov V.A., G.A.Agarkov, and A.D.Sushchenko. (2020) “Prekarizatsija truda kak rastushchaja forma zanjatosti molodykh spetsialistov v uslovijakh pandemii” [Precarisation of Labour as a Growing Form of Employment of Young Specialists in the Context of the Covid-19 Pandemic] // *Ekonomika regiona* [Economy of Regions], vol. 16, issue 4: 1061—1071. URL: https://economyofregion.ru/wp-content/uploads/2020/12/04_koksharov.pdf (accessed on 17.08.2022). (In Russ.)

Kuznetsova E. (2009) “Srednij klass: zapadnye kontseptsii” [Middle Class: Western Concepts] // *Mirovaja ekonomika i mezhdunarodnye otnoshenija* [World Economy and International Relations], no. 2: 19—28. (In Russ.)

Manifesto of the Precarious International. URL: <https://mittelbau.net/precarious-international/manifesto-of-the-precarious-international/> (accessed on 27.01.2022).

Marmer E. (2009) “Chto takoe precariat” [What Is the Precariat] // *Neue Zeiten*, no. 5 (71). URL: <http://neuezeiten.rusverlag.de/2009/07/24/chtotakoe-precarariat/> (accessed on 27.01.2022). (In Russ.)

Martianov V.S. (2017) “Politicheskaja ontologija Moderna: v poiskakh uskol’zajushchego bol’shinstva” [Political Ontology of Modernity: in Search of Mercurial Majority] // *Politeia*, no. 1 (84): 107—126. URL: [http://politeia.ru/files/articles/rus/Politeia-2017-1\(84\)-107-126.pdf](http://politeia.ru/files/articles/rus/Politeia-2017-1(84)-107-126.pdf) (accessed on 17.08.2022). (In Russ.)

Pentarakis M. and K.Dionysopoulou. (2018) “Social Workers: a New Precariat? Precarity Conditions of Mental Health Social Workers Working in the Non-Profit Sector in Greece” // *European Journal of Social Work*, vol. 22, no. 2: 301—313.

Popov A.V. (2020) “Ot prekarnoj zanjatosti k prekariatu” [From Precarious Employment to the Precariat] // *Sotsiologicheskie issledovanija* [Sociological Studies], no. 6: 155–160. URL: <http://socs.isras.ru/files/File/2020/6/Popov.pdf> (accessed on 17.08.2022). (In Russ.)

Shkaratan O.I., V.V.Karacharovskiy, and E.N.Gasyukova. (2015) “Prekariat: teorija i empiricheskij analiz (na materialakh oprosov v Rossii, 1994–2013)” [Precariat: Theory and Empirical Analysis (Polls in Russia, 1994–2013 Data)] // *Sotsiologicheskie issledovanija* [Sociological Studies], no. 12: 99–110. URL: http://socs.isras.ru/files/File/2015/2015_12/99_110_Shkaratan.pdf (accessed on 17.08.2022). (In Russ.)

Standing G. (2014) *Prekariat: novyj opasnyj klass* [The Precariat: The New Dangerous Class]. Moscow: Ad Marginem Press. (In Russ.)

Tikhonova N.E. (2015) “Osobennosti statusnoj identichnosti i potreblenie srednego klassa” [Middle Class Identity and Consumption Specifics] // *Sotsiologicheskie issledovanija* [Sociological Studies], no. 1: 44–54. URL: http://socs.isras.ru/files/File/2015/2015_1/Tikhonova.pdf (accessed on 17.08.2022). (In Russ.)

Tikhonova N.E. (2019) “Prekariat i perspektivy izmenenija sotsial’noj struktury rossijskogo obshchestva” [Precariat and Prospects for Changes in Russian Society Social Structure] // *Sotsiologicheskie issledovanija* [Sociological Studies], no. 2: 167–173. URL: <http://socs.isras.ru/files/File/2019/2/Tikhonova.pdf> (accessed on 17.08.2022). (In Russ.)

Toshchenko Zh.T. (2018) *Prekariat: Ot protoklassa k novomu klassu* [Precariat: From a Proto-class to a New Class]. Moscow: Nauka. (In Russ.)

Toshchenko Zh.T. (2019) “Fenomen prekariata: teoreticheskie i metodologicheskie osnovanija issledovanija” [The Precariat Phenomenon: Theoretical and Methodological Premises of Its Study] // *Sotsiologicheskie issledovanija* [Sociological Studies], no. 9: 51–63. URL: <http://socs.isras.ru/files/File/2019/9/Toshchenko.pdf> (accessed on 17.08.2022). (In Russ.)

Toshchenko Zh.T. (2021) “Publichnyj i privatnyj zhiznennyj mir prekariata: osnovnye cherty i orientiry” [The Public and Private Life World of the Precariat: Main Features and Landmarks] // *Sotsiologicheskie issledovanija* [Sociological Studies], no. 11: 24–36. URL: <http://socs.isras.ru/files/File/2021/11/Toshchenko.pdf> (accessed on 17.08.2022). (In Russ.)

Toshchenko Zh.T. and R.I.Anisimov. (2019) “Prekarnyj trud v Rossii: sostojanie i tendentsii” [Precarious Labor in Russia: Status and Trends] // *Ekonomicheskoe vozrozhdenie Rossii* [Economic Revival of Russia], no. 2 (60): 93–103. (In Russ.)

Tovkaylo M. (2013) “Golodets: 38 mln rossijan zanjaty „neponjatno gde i chem“” [Golodets: 38 Million Russians Are Busy “Who Knows Where and What”] // *Vedomosti*, 3.04. URL: https://www.vedomosti.ru/management/articles/2013/04/03/vicepremer_golodets_38 mln_rossijan_zanyaty_neponyatno_gde_i (accessed on 27.01.2022). (In Russ.)

Volkov Yu.G. (2012) “Vozniknovenie i sovremennoe sostojanie rossijskogo kreativnogo klassa” [The Origin and the Present State of the Russian

Creative Class] // *Vestnik Instituta sotsiologii* [Bulletin of the Institute of Sociology], no. 5: 109–120. URL: https://www.vestnik-isras.ru/files/File/Vestnik_2012_5/Volkov.pdf (accessed on 17.08.2022). (In Russ.)

Vorobyova I.V. (2021a) “Rossijskie uchenye v usloviyakh prekarnoj zanjatosti” [Russian Scholars under the Conditions of Precarious Employment] // *Voprosy upravlenija* [Management Issues], no. 1: 131–142. (In Russ.)

Vorobyova I.V. (2021b) “Prekarizatsija molodezhi v sfere sotsial’no-trudovykh odnoszenij” [Precarization of Youth in the Field of Social and Labor Relations] // *Znanie. Ponimanie. Umenie* [Knowledge. Understanding. Skill], no. 3: 100–112. URL: <https://journals.mosgu.ru/zpu/article/view/1415/1737> (accessed on 17.08.2022). (In Russ.)

Weiss H. (2021) *My nikogda ne byli srednim klassom: Kak sotsial’naja mobil’nost’ vvodit nas v zabluzhdenie* [We Have Never Been Middle Class: How Social Mobility Misleads Us]. Moscow: Izdatel’skij dom Vysshej shkoly ekonomiki. (In Russ.)

Zhvitiashvili A.Sh. (2017) “Klassovye skhemy sovremennogo obshchestva v zapadnoj sotsiologii” [Class Schemes of Modern Society in Western Sociology] // *Sotsiologicheskaja nauka i sotsial’naja praktika* [Sociological Science and Social Practice], vol. 5, no. 1: 7–23. (In Russ.)